

2. Lyubov, E.B. & Magurdumova, L.G. & Tsuprun, V.E. (2017) Suitsidal'noe povedenie pozhilykh [Suicidal behavior in the elderly]. *Suitsidologiya – Suicidology*. Vol. 8. 1 (26). pp. 3–16.
3. Shneidman, E. (2001) *Dusha samoubiytsy* [Soul of a suicide]. Moscow: Smysl.
4. Tarasova, M.V. (2011) Kul'tura kak sistema: osnovnye tendentsii issledovaniya [Culture as a system: main research trends]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Orenburg State University*. 7 (126). pp. 136–143.
5. Losev, A.F. (1979) Dve neobkhodimye predposylki dlya postroeniya istorii estetiki do vozniknoveniya estetiki v kachestve samostoyatel'noy distsipliny [Two necessary prerequisites for constructing the history of aesthetics before the emergence of aesthetics as an independent discipline]. In: Ovsyannikov, M.F. (ed.) *Estetika i zhizn'* [Aesthetics and life]. Vol. 6. pp. 221–238.
6. Sapronov, P.A. (2010) *Put' v nichto. Ocherki russkogo nigilizma* [The Path to Nothingness. Essays on Russian Nihilism]. Saint Petersburg: Publishing center “Humanitarian Academy”.
7. Saenko, N.R. (2011) *Kontseptual'nye interpretatsii nigitologii kul'tury* [Conceptual Interpretations of the Nigitology of Culture]. Philosophy Dr. Diss.
8. Kudryashov, S.V. (2012) Esteticheskaya oformlennost' suitsida v kontekste kul'tury [Aesthetic design of suicide in the context of culture]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii – Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*. Vol. 13. 3. pp. 169–175.
9. Sapronov, P.A. (2011) *O bytii nichto* [About the Being of Nothing]. Saint Petersburg: Publishing House of the Russian Christian Humanitarian Academy.
10. Du Camp, M. (1892) *Souvenirs littéraires. Tome premier*. Paris: Librairie Hachette et Cie.
11. Louandre, Ch. (1842) Statistique littéraire – La poésie depuis 1830. In: *Revue des Deux Mondes*. Vol. 30. pp. 971–1002.
12. Byron, J.G. (1981) *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected Works: in 4 vols]. Vol. 4. Moscow: Pravda.
13. Maigrón, L. (1910) *Le Romantisme et les mœurs*. Paris: Librairie H. Champion, Editeur.
14. Trollope, F. (1836) *Paris and The Parisians in 1835: in 2 vol.* Vol. I. London: Publisher in Ordinary to His Majesty.
15. De-Pule, M. (1881) *Nigilizm kak patologicheskoe yavlenie russkoy zhizni* [Nihilism as a pathological phenomenon of Russian life]. [Online] Available from: URL: <https://www.prilib.ru/item/429004> (Accessed: 01.09.2024).
16. Bart, R. (2023) *Mifologii* [Mythologies]. Moscow: Akademicheskii proekt.
17. Tkhostov, A.Sh. (2020) *Kul'turno-istoricheskaya patopsikhologiya* [Cultural-historical pathopsychology]. Moscow: Publishing house “Canon+”.
18. Berdyaev, N. (1992) *O samoubijstve* [About suicide]. Moscow: Moscow University.

УДК 008:82

DOI: 10.24412/2070-075X-2024-2-43-51

В.Ю. Пустовит

**«СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ» М. МАТУСОВСКОГО
В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ МЕМУАРИСТИКИ**

Творчество М.Л. Матусовского, уроженца Луганска, одного из самых известных поэтов-песенников прошлого столетия, исследовано недостаточно,

особенно в культурологическом аспекте. Впервые объектом изучения стала проза писателя с целью определения ее жанровых особенностей (дневник, литературный портрет, мемуары), выявления специфики и значимости как объекта культурологии. Автор проводит культурологический и литературоведческий анализ текста «Семейного альбома» М. Матусовского, приходит к выводу, что жанровой особенностью исследуемого произведения является воплощение в автобиографической художественной прозе реальных исторических событий, человеческих характеров, эпизодов жизни автора, сохраненных в его памяти как смыслообразующем элементе его художественного мира, что и позволяет отнести произведение к жанру мемуаристики, а также считать его важным объектом исследования в культурологии.

Ключевые слова: культурология, мемуаристика, мемуары, жанр, дневник, проза писателя М.Л. Матусовского, память.

Ярким признаком нашего времени является обращение к мемуаристике не только ученых-исследователей разных отраслей наук – филологии, языкознания, культурологии, краеведения, истории и других гуманитарных дисциплин, но и рядового читателя, который устал от откровений «желтой прессы», детективных романов, «правдивых» историй жизни выдающихся людей, поведенных в пространстве интернета блогерами. Высокий общественный интерес обусловлен, очевидно, стремлением думающих соотечественников изучить на основе мемуарных первоисточников детали биографии автора, его внутренний мир, восприятие им эпохи, в которой он жил, а также проанализировать «проблемы взаимовлияния исторической памяти и процесса создания мемуаров» [1. С.111].

Все чаще интерес вызывают именно дневниковые записи выдающихся людей. Политическая реальность тоже внесла свою лепту в актуализацию этого жанра, ведь в книжных магазинах, библиотеках, интернет-ресурсах особую популярность приобрели воспоминания известных полководцев, военных, государственных деятелей разных периодов отечественной истории. Этому есть логическое объяснение: наряду с легкодоступной и в хорошем смысле «легкой» литературой, особо востребована социально значимая, правдивая документальная литература, оформленная в художественную форму. При этом важно понимать и учитывать существенную разницу между историческим романом, в основе которого лежит историческое событие, интерпретированное писателем в диалектике с художественным вымыслом, и жанром мемуаристики, основу которой, как правило, составляет документалистика.

Актуальность темы исследования заключается в выявлении специфики и принадлежности прозы поэта-песенника к мемуаристике в культурологическом аспекте. Впервые предметом исследования в культурологии используется единственное прозаическое произведение Михаила Львовича Матусовского – «Семейный альбом».

В современной гуманитаристике недостаточно научных разработок именно культурологического аспекта изучения отечественной мемуаристики выдающихся людей. Отметим диссертационные работы Т.И. Головиной о мемуарах деятелей русского балета [2], Е.Л. Кирилловой о прозе русского зарубежья [3], Н.М. Рогозиной о прозе А.М. Фёдорова [4], Е.Л. Шкляевой о мемуарах как «тексте культуры» [5]. Мы разделяем выводы Е.Л. Шкляевой о том, что писатель в культурно-историческом аспекте является общественным типом, а представленная в его воспоминаниях культуроведческая информация помогает выявить «связи существования», дополним – связи взаимодействия человека и культуры в конкретной эпохе.

С целью уточнения жанровых особенностей «Семейного альбома» М.Л. Матусовского обратимся к анализу особенностей дневниковых записей в русской литературе.

Общеизвестно, что существование дневников берет свое начало еще со времен Киевской Руси, ведь элементы дневниковых записей, в частности, хронологических записей, представлены в «Повести временных лет». В XII–XIII вв. характер летописания меняется, хронологические границы становятся уже, появляются личные летописцы при княжествах. Примером дневниковых записей этого периода служит Киевская летопись. Своеобразные образцы путевого дневника фиксирует паломническая литература, например, «Жизнь и хождение Даниила, Руськыя земли игумена». Стоит упомянуть и «Диариуш» Дмитрия Туптала, выдающегося писателя-агиографа, поэта, драматурга, церковного деятеля, который вел записи даже в самый тяжелый период жизни (1702–1709 гг.). Трагический нарратив поиска самотождественности в «Диариуше» иеромонаха Дмитрия, митрополита Ростовского – это не только важный аспект исследования памятника древности, это приобщение к аксиологическим и культурно-историческим истокам построения государственности.

С каждым новым витком истории жанр дневника претерпевал различные изменения. Изначально дневник как жанр использовался для написания произведений. Всем известны художественные полотна И.С. Никитина «Дневник семинариста», И.С. Тургенева «Дневник лишнего человека», А.Н. Апухтина «Дневник Павлика Дольского».

Как дань времени, возможность придания нужного исторического колорита, Н.Г. Чернышевский использовал отдельные фрагменты «Дневника Левицкого» в «Прологе», также следует упомянуть и «Журнал Печорина» в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени».

Культурологическую ценность представляет дневник Ф.М. Достоевского, названный «Дневник писателя». Для XIX века это был еще непривычный и, говоря современным языком, интегрирующий жанр, отдаленно напоминающий дневник. Наряду с классическими формами рассказа и очерка, здесь же автор размещал свои публицистические статьи, размышления о каком-то событии, некрологи, анекдоты и многое другое. Благодаря такому разнообразию форм, широте и актуальности рассматриваемых в нем тем, проблем и вопросов, доверительному стилю общения Ф.М. Достоевского с читателями, «Дневник» имел огромный успех у аудитории. В силу творческой неординарности феномена произведений, писатель получал большое количество писем, отвечал на них, вступал в дискуссию на страницах своего дневника, по сути, создавая проекцию современного «интерактивного» журнала.

Трудно согласиться с мнением, что дневник не рассчитан на опубликование, ведь реальная социокультурная жизнь современного общества показывает, что все чаще именно напечатанные на страницах журналов или вышедшие отдельным изданием дневники писателей помогают решить различные дискуссионные вопросы: от творчества самого автора дневников до уточнения этапов создания произведений культуры, развития культуроведческих категорий, истории искусства в целом.

Исследование мемуарного наследия художника слова, с нашей точки зрения, способствует раскрытию его внутреннего мира, этапов творческого становления, характера, предпочтений, мировоззренческих позиций, нравственных ценностей, отношения к собственному творчеству, культуре и истории развития общества, людям, природе. При этом важно не просто выявить присущие писателю черты творчества, но, главное, охарактеризовать их особенности, сопоставить с эпохой, с литературоведческими и культуроведческими аспектами конкретного исторического времени. Исходя из этого, важнейшая задача исследователя состоит в том, чтобы показать неповторимость личности автора, своеобразие его творческого наследия, а мемуарные произведения как нельзя лучше этому будут способствовать.

Дневник как феномен и научное понятие достаточно долгое время пребывает в поле зрения ученых. Так, в литературном энциклопедическом словаре В.Н. Шикин указывает, что дневник – это внелитературный жанр, отличающийся откровенностью,

искренностью, не рассчитан на публичную публикацию, что делает его достаточно достоверным источником сведений о бытии, как самого автора, так и его социального окружения. Иными словами, дневник – неотъемлемая документальная часть эпохи [6. С. 98]. Являясь достоверными автобиографическими записями, дневники выдающихся деятелей истории, культуры, литературы находят свое место в контексте научных исследований различных феноменов культуры, благодаря таким привлекательным характеристикам, как исповедальность и самонаблюдение, оставаясь при этом жанром внелитературным.

К. Кобрин обосновал классификацию людей, которые ведут дневники. Первая группа – это, по словам ученого, «просто люди», рабочие, разночинцы, которые не смыслят своей жизни без ежедневных записок; вторая группа – «политики», преследующие одну цель в своих записях – «отбелить» свои действия перед будущим. Отдельная каста – творческие личности, среди которых ведущая роль отведена писателям, для которых дневник – это творческая лаборатория, где хранятся тайнства создания художественных произведений. Используя такую своеобразную классификацию, К. Кобрин рассматривает дневники и в аспекте возраста: детские, юношеские, старческие предсмертные и др., а также дневники путешествий [7. С. 289]. Очевидно, «дневники путешествий» тождественны категории «путевые заметки».

С позиций современной науки рассматривает жанр мемуаристики в России XIX–XX вв. М. Михеев, определяя дневники, записные книжки, черновики, маргиналии как обыденную литературу (пред-текст). Следуя новейшей терминологии, вся эта продукция вписывается в non-fiction, то есть тексты, обращенные больше к жизни, чем к вымыслу и скорее к быту, чем к воображению и фантазии [8. С. 133]. Иными словами, исследователь указывает на разного рода дневники: блокнот, календарь, телефонная книжка и т.п., приходит к выводу, что «нередко и то, что предназначается для широкой печати, и то, что пишется лишь для самого себя, называют словом дневник» [8. С. 139].

С развитием компьютерных сетей, доступностью интернета и популярностью системы «Живой Журнал» (Livejournal – ЖЖ), современные дневниковые записи развиваются в новом аспекте, ведь автор, помимо открытого доступа к ним, может получать и отзывы на них. Такая форма наиболее привлекательна для людей с интернет-зависимостью, которые пытаются выйти на более широкую аудиторию с целью решения своих проблем, то есть происходит определенная саморефлексия личности. Человек может искать и находить любую интересующую его информацию, изменять формат общения, удалять то, что не понравилось, что-то добавлять, участвовать в коллективном обсуждении и т.п. Итак, возможности электронного дневника как жанра практически безграничны. Однако, с нашей точки зрения, интернет-дневники сегодня еще не могут претендовать на зачисление в жанрологическую концепцию мемуаристики, поскольку нет оснований считать, что они сохранятся хотя бы в течение года, не говоря уже о более отдаленном промежутке времени.

Таким образом, культурно-исторический контекст дневника как жанра мемуаристики интегрирует достаточно широкую группу феноменов, среди которых, по нашему мнению, ведущими являются факты и события историко-социокультурной эпохи, в которой протекала жизнь автора. В основу своих записей автор закладывает своеобразную атрибутированную общественно-историческую и личностно-субъективную память, используя ее как средство культурно-духовной преемственности поколений, как маркер цивилизованности сопричастного ему общества, как потребность сознательного отношения к своему прошлому для понимания настоящего и прогнозирования будущего. Мемуаристика, по сути, является особым по содержанию эмпирическим и даже теоретическим источником сущностного культурологического материала, которого в других видах источников не найти. Особое значение это имеет в аспекте осмысления

нашими современниками ментальности в целом – зарождение, развитие и становление ее в разные эпохи российской государственности; менталитета, как разных поколений русских людей, так и отдельной личности.

Можно утверждать, что нынешний интерес представителей разных слоев общества к микроистории, воспоминаниям конкретных людей (особенно исторически значимых личностей), быту и жизни, как предыдущих поколений родственников, так и страны в целом, формирует для мемуаристики новый статус достоверного художественно окрашенного источника познания прошлого. В аспекте источниковедения ученый-историк может выявить в дневниках малоизвестные факты, характеризующие историко-культурное развитие страны; ученый-культуролог – изучить специфику восприятия и воссоздания автором реалий эпохи, особенностей общения людей, одобряемые или осуждаемые обществом социальные связи; ученый-литературовед – исследовать стиль языка автора, интерпретировать его мировоззрение и культурно-жизненные ассоциации и др.

Отметим также, что название «альбом» как синоним дневника встречается нечасто. Об этом пишет, например, и Е. Давыдова в статье «Альбом, как жизнь, противоречий смесь...», исследуя «альбом, на 25-ти листах которого оставили автографы многие знаменитости первой половины XIX века», созданный на основе путешествий тетушки С.Д. Шереметева – Е.С. Шереметьевой, находящийся в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА) [10].

Исследуя жанровые особенности «Семейного альбома» М.Л. Матусовского в аспекте культурологии, мы обратились к традиционному толкованию дефиниции «автобиография». В «Литературном энциклопедическом словаре» сказано: «Для автобиографического жизнеописания характерно стремление осмыслить прожитую жизнь как целое, придать эмпирическому существованию оформленность и связность. Пишущий литературную автобиографию нередко прибегает к вымыслу, он “дописывает” и “переписывает” свою жизнь, делая ее логичнее, целенаправленнее. Автобиография – это всегда акт преодоления уходящего времени, попытка вернуться в собственное детство, юность, воскресить наиболее значительные и памятные отрезки жизни, как бы прожить жизнь сначала; автобиографии поэтому пишутся, как правило, в зрелые годы, когда большая часть жизненного пути уже позади» [6. С. 44]. Акцентируем внимание именно на этом содержании, поскольку, на первый взгляд, в «Семейном альбоме» писателя достаточно много эпизодов из детства и юности, и можно было бы считать книгу просто литературной автобиографией. Но это не так, поскольку ключевой признак – вымысел, дописывание, переписывание – в произведении М.Л. Матусовского отсутствует.

Что же позволяет нам отнести «Семейный альбом» к мемуаристике в целом? С нашей точки зрения, феномены «воспоминания» и «память». Весь текст буквально пронизан авторскими трактовками памяти в разные периоды жизни Михаила Матусовского. «Удивительной цепкостью обладает детская память», – неоднократно пишет Михаил Львович в альбоме. И сила его образного слова такова, что наше воображение сегодня легко воспроизводит старую улицу Пушкинскую родного Луганска или гурьбу ребят, идущих с речки с важным видом, перебивающих друг дружку советами, как сделать пищик из акации. Убедителен и приговор ретушеру за то, что утопил больного котенка, ведь «приговор детства самый справедливый, окончательный и обжалованию не подлежит». В каждой последующей части альбома – новое воспоминание, часто трагическое – боль от потери дорогих людей, учителей, наставников, друзей; воспоминания об ужасах войны, трагедии Хиросимы. Правда, в записях автора трагедии чередуются с приятными моментами и воспоминаниями о путешествиях, о работе над полюбившимися миллионам песнями, о встречах с почитателями таланта, даже с анекдотическими ситуациями.

Таким образом, воспоминания – это те же мемуары, которые в основе литературного жанра имеют сущностное понятие – память. В.И. Даль так определяет феномен памяти: «Мнить, мнети – способность помнить, не забывать прошлого; свойство души хранить, помнить сознание о былом. Память внешняя, безотчетное знание наизусть затверженного; *память слов, цифр, имен и событий* (курсив наш. – В.П.); память внутренняя, разумное понимание научной связи узнанного, усвоение себе навсегда духовных и нравственных истин. Память к языкам. Память местности» [11. С. 543].

В «Семейном альбоме» М.Л. Матусовского взаимодействуют эти два вида памяти: внешняя – имена, например, учитель рисования тринадцатой городской школы Бобок: «Рисовали на доске отощавшего кота с топорщившимися во все стороны усами и подписывали печатными буквами, чтобы нельзя было опознать почерка: “Это – Бобок”» [11. С. 47]. История этого учителя схожа с тысячами судеб людей того времени: с отличием окончив художественное училище, не смог реализовать себя в профессии. Кроме него, сторож городского сада по фамилии Сухой – «главный враг наш и гонитель», защищавший урожай фруктов от дворовой детворы; сорвиголова «Яшка Любченко – прирожденный атаман, заводила и душа всех скандалов, только за последний год имевший восемь приводов в дирекцию» [11. С. 50]; трагической судьбы дядя Соломон; нелепо погибший городской сумасшедший дядя Коля; красавица Адя и многие другие.

Внутренняя память представлена у писателя бесценным жизненным опытом: «Но что поделывать, если память снова настойчиво возвращает меня в тот полутемный угол, где остро пахнет кошками, куда только на закате заглядывает солнце, в ту самую комнату, где сидит, повернувшись спиной ко мне, человек по имени Антон Шнабль» [11. С. 23]. Альбом наполнен воспоминаниями о простых горожанах: «Еще я помню, у нас в городе был фотограф Белобородов, ходивший в черной пелерине с позолоченными застежками – этот романтичный байроновский наряд вступал в вопиющее противоречие с его редкими усиками и носом картошкой» [11. С. 14]. Также интересен альбом яркими историями жизни приехавших в город семей, например, семьи Айрапетян из Армении: «И жили здесь только надеждой, только ожиданием лучшего дня. Пошевеливая уснувший под котелком огонь...Чистим-Блистим (местное прозвище Айрапетяна – В.П.) говорил убежденно: “Совсем-совсем немного осталось. Зиму будем уже встречать Ереван. Зачем мне ватин на пальто подшивать, если зимой я буду дома? Разве может жить нормальный человек в таком холоде, как у вас? Скажи, ты Арарат видел? Не видел?! Так вот наша деревня под самым Араратом находится”» [11. С. 26].

Поскольку культурология изучает культуру в конкретно-историческом развитии и является системообразующим фактором всего комплекса наук о культуре, его методологической основой, то особенно важны как объекты исследования те смыслы, которыми наполнен мир человека [13]. В этом аспекте «Семейный альбом» М. Матусовского наполнен смыслом человеколюбия, духом «времени культуры». Как справедливо замечает И.Л. Сиротина, «если ценности культуры не живут в настоящем, не передают современникам социальный опыт прошлого, не обеспечивают их духовного общения, не влияют на развитие личности, то они перестают быть таковыми и исключаются из актуальной культуры современности» [14. С. 226]. Исследователь соотнесла культурологическую категорию «социальная память» со всем корпусом литературы, основанной на ней, и обосновала такую категорию, как художественные мемуары, указав, что «для культурологического исследования объем и размер источника (целостный мемуарный текст или небольшой эпизод, вкрапленный в художественное произведение, научное исследование или публицистическое выступление) не имеют особого значения: в них одинаково содержится интенция самопознания, стремление запечатлеть личный опыт, поделиться собственными впечатлениями и размышлениями [14. С. 226].

Поскольку онтологической основой мемуаров является субъективная, избирательная человеческая память [15. С. 41], то можем утверждать, что в данном контексте исследуемый нами «Семейный альбом» М. Матусовского предстает в качестве репрезентанта исторических событий прошедшего XX века как периода стремительного развития массовой и профессиональной отечественной культуры, культуры быта, отношений и др.

Важно ли это для современной науки? Безусловно, поскольку индивидуальный опыт «очень фрагментарен, поэтому уникален и охватывает относительно непродолжительный период исторического времени» [16. С. 245]. Особенно важно, что «фоновая информация», имманентная по отношению к любому тексту, отражается в неотрефлексированном виде: рассказывая о важных для себя событиях, автор передает их в уникальных тонах и красках их реального существования. В итоге именно «жизненный мир» мемуариста определенной эпохи и является объектом исследовательского интереса в культурологии. Свой «жизненный мир» и «оживляет» М. Матусовский в «Семейном альбоме» в прозе.

Подводя черту, приходим к выводу, что жанровой особенностью исследуемого произведения является воплощение в автобиографической художественной прозе реальных исторических событий, человеческих характеров, эпизодов жизни автора, сохраненных в его памяти как смыслообразующем элементе «отдельного произведения или художественного мира писателя в целом» [17. С. 108], что и позволяет отнести «Семейный альбом» М.Л. Матусовского к жанру мемуаристики (несмотря на то, что в нем и отсутствуют конкретные даты как в дневниках или упорядоченная структура как в автобиографиях), а также считать его важным объектом исследования в культурологии. Выдающийся поэт-песенник М.Л. Матусовский – талантливый прозаик, хранитель памяти о родном городе, стране, людях, что и засвидетельствовано в его «Семейном альбоме» при отсутствии фотографий с помощью художественного слова.

Литература

1. Пашковская Т.Г. Эвристический потенциал мемуаристики в историческом исследовании // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: в 2-х ч. 2016. № 7(69). Ч. 1. С. 110–112.
2. Головина Т.И. Мемуары как источник культурологического исследования: автореф. дис. ... канд. культурологии. СПб., 1998. 21 с.
3. Кириллова Е.Л. Мемуарная проза русского зарубежья первой волны: К вопросу о жанре и метажанре. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2019. 210 с.
4. Рогозина Н.М. Мемуарная проза А.М. Фёдорова в контексте литературного творчества писателя: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2016. 25 с.
5. Шкляева Е.Л. Мемуары как «текст культуры»: женская линия в мемуаристике XIX–XX веков (А.П. Керн, Т.А. Кузминская, Л.А. Авилова): автореф. дис.... канд. филол. наук. Барнаул, 2002. 25 с.
6. Литературный энциклопедический словарь /под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987. 750 с.
7. Кобрин К. Дневники: между текстом и житнетворчеством // Новое литературное обозрение. 2003. № 61. С. 288–295.
8. Михеев М. Фактографическая проза, или пред-текст. Дневники, записные книжки, «обыденная» литература // Человек. 2004. № 2. С. 133–142.
9. Livejournal.com [сайт]. URL: <http://www.livejournal.com/media/> (дата обращения: 27.08.2024).

10. Давыдова Е. «Альбом, как жизнь, противоречий смесь...» // Вопросы литературы. 1999. № 1. С. 365–372.
11. Матусовский М. Проза. Луганск: ООО «Виртуальная реальность». 2011. 600 с.
12. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 3. М.: РИПОЛ классик, 2006. 544 с.
13. Коньрева И.В. Культурология. Комсомольск-на-Амуре: ГОУ ВПО «КНАГТУ», 2007. 88 с.
14. Сиротина И.Л. Культурологический потенциал мемуарного источника: поиски новой парадигмы. URL: <https://predanie.ru/book/132990-metafizika-ispovedi/#/toc2> (дата обращения: 27.08.2024).
15. Oelofse M. Applying Principles of Historical Critique: Authentic Oral History? // International Conference on Social Science and Humanities. Singapore: IACSIT Press, 2011. Vol. 2. P. 41–44.
16. Мазур Л.Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия Уральского федерального университета. Серия 2 «Гуманитарные науки». 2013. № 3 (117). С. 243–256.
17. Степанова Н.С. Художественные функции категории памяти в автобиографической прозе первой волны русского зарубежья // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Филология. Журналистика». 2012. № 1. С. 108–111.

M. Matusovsky's 'Family Album' in the Context of Memoirism

Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii – Cultural Studies of Russian South, 2024, 3 (94), 43–51.
DOI: 10.24412/2070-075X-2024-3-43-51

Valeria Yu. Pustovit, Matusovsky academy of culture and arts (Lugansk, Russian Federation).
E-mail: v.pustovit2022@yandex.ru

Keywords: memoirism, memoirs, genre, diary, M. Matusovsky's prose, memory.

The work of M.L. Matusovsky, a native of Lugansk, one of the most famous songwriters of the last century, has been insufficiently studied, especially in the cultural aspect. For the first time the object of study was the writer's prose in order to determine its genre features (diary, literary portrait, memoirs), to identify its particular features and significance as an object of cultural studies. The author conducts a cultural and literary analysis of the text of M. Matusovsky's 'Family Album' and comes to the conclusion that the genre feature of the studied work is the embodiment in autobiographical fiction prose of real historical events, human characters, episodes of the author's life, preserved in his memory as a meaning-forming element of his artistic world, which allows us to consider the work as a genre of memoirism, as well as to consider it an important object of scientific research in cultural studies.

References

1. Pashkovskaya, T.G. (2016) Evristicheskiy potentsial memuaristki v istoricheskom issledovanii [The heuristic potential of the memoirist in historical research]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Issues of theory and practice*. Vol. 1. 7 (69). pp. 110–112.
2. Golovina, T.I. (1998) *Memuary kak istochnik kul'turologicheskogo issledovaniya* [Memoirs as a source of cultural research]. Abstract of Culturology Cand. Diss. Saint Petersburg.
3. Kirillova, E.L. (2019) *Memuarnaya proza russkogo zarubezh'ya pervoy volny: K voprosu o zhanre i metazhanre* [Memoir prose of the Russian Abroad of the first wave: To the question of genre and meta-genre]. Vladivostok.

4. Rogozina, N.M. (2016) *Memuarnaya proza A.M. Fedorova v kontekste literaturnogo tvorchestva pisatelya* [A.M. Fedorov's memoir prose in the context of the writer's literary work]. Abstract of Philology Cand. Diss. Nizhny Novgorod.
5. Shklyayeva, E.L. (2002) *Memuary kak "tekst kul'tury": zhenskaya liniya v memuaristike XIX–XX vekov (A.P. Kern, T.A. Kuzminskaya, L.A. Avilova)* [Memoirs as a “cultural text”: the female line in memoir writing of the 19th–20th centuries (A.P. Kern, T.A. Kuzminskaya, L.A. Avilova)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Barnaul.
6. Kozhevnikov, V.M. & Nikolaev, P.A. (1987) *Literaturnyy entsiklopedicheskiy slovar'* [Literary Encyclopaedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
7. Kobrin, K. (2003) *Dnevnik: mezhdu tekstem i zhiznetvorchestvom* [Diaries: between text and life writing]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Review*. 61. pp. 288–295.
8. Mikheev, M. (2004) *Faktograficheskaya proza, ili pred-tekst. Dnevnik, zapisnye knizhki, "obydannaya" literatura* [Factual prose, or pre-text. Diaries, notebooks, “everyday” literature]. *Chelovek – Human*. 2. pp. 133–142.
9. Livejournal.com. (2024) [Online] Available from: <http://www.livejournal.com/media/> (Accessed: 27.08.2024).
10. Davydova, E. (1999) “Al'bom, kak zhizn', protivorechiy smes'...” [“An album, like life, of contradictions a mixture...”]. *Voprosy literatury – Literature issues*. 1. pp. 365–372.
11. Matusovskiy, M. (2011) *Proza* [Prose]. Lugansk: LLC “Virtual'naya real'nost”.
12. Dahl, V.I. (2006) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 t.]. Vol. 3. Moscow: RIPOL klassik.
13. Konyreva, I.V. (2007) *Kul'turologiya* [Cultural studies]. Komsomolsk-on-Amur: State Educational Institution of Higher Professional Education “KnAGTU”.
14. Sirotnina, I.L. (1997). *Kul'turologicheskiy potentsial memuarnogo istochnika: poiski novoy paradigm* [The cultural potential of the memoir source: the search for a new paradigm]. [Online] Available from: <https://predanie.ru/book/132990-metafizika-ispovedi/#/toc2> (Accessed: 27.08.2024).
15. Oelofse, M. (2011) *Applying Principles of Historical Critique: Authentic Oral History?* In: International Conference on Social Science and Humanities. Singapore: IACSIT Press, 2011. Vol. 2. pp. 41–44.
16. Mazur, L.N. (2013) *Obraz proshlogo: formirovanie istoricheskoy pamyati* [Images of the past: shaping historical memory]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2 "Gumanitarnye nauki" – Izvestia Ural Federal University. Series 2 "Humanities"*. 3 (117). pp. 243–256.
17. Stepanova, N.S. (2012) *Khudozhestvennye funktsii kategorii pamyati v avtobiograficheskoy proze pervoy volny russkogo zarubezh'ya* [Artistic functions of the category of memory in autobiographical prose of the first wave of the Russian Abroad]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Filologiya. Zhurnalistika". – Bulletin of Voronezh State University. Series "Philology. Journalism"*. 1. pp. 108–11.

УДК 1:304

DOI: 10.24412/2070-075X-2024-3-51-59

О.М. Мазаненко

БЫТЬ С ОСУЩЕСТВЛЕННЫМ: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ФЕНОМЕНОЛОГИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА

В статье представлена аналитика художественного творчества как процесса и результата с позиций контент-анализа рефлексии художников. Особый